

В зимнюю ночь накануне Рождества улицы уже были украшены гигантскими рождественскими ёлками. Разноцветные огоньки мигали, а бесчисленные маленькие украшения покачивались на лёгком ветру, мелодично позванивая при каждом движении.

Проходя мимо одной из них, Чэнь Сюй заметил, как две рыжеволосые фигуры на дереве внезапно повернулись к нему. Они нежно держались за руки и сияли улыбками, отчего Чэнь Сюй, шедший в одиночестве, почувствовал себя ещё более жалким.

Погода в этот вечер была особенно подходящей для рождественской атмосферы: снег, начавшийся два дня назад, всё ещё кружился в воздухе. Чэнь Сюй забыл свой шарф в баре, и теперь крошечные льдинки забивались ему за воротник. Холодные и мокрые, они заставляли его вздрагивать, но он лишь механически отряхнул воротник, почти не реагируя.

Ему не хотелось возвращаться в бар, не хотелось идти домой, не хотелось никуда идти. Внезапно он почувствовал острую зависть к тем двум рыжеволосым фигурам.

В голове у него снова и снова звучали слова одноклассника из бара:

— Тот человек, который тайно приносил тебе обед каждый день на втором курсе... Ты до сих пор не знаешь, кто это был, да?

— Знаешь, это был Сун Мин. Он просил меня каждый день в полдень класть коробку с обедом на твой стол. Прошло столько лет, и он будет здесь сегодня вечером. Тебе стоит как следует его поблагодарить.

Чэнь Сюй не поблагодарил Су Мина. У него даже не хватило смелости встретиться с ним взглядом. Услышав это, он в панике сбежал.

"Как так вышло? Неужели это был Сун Мин?"

"Разве не Цзи Чуньсяо должен был быть тем человеком?"

Его первой реакцией были сопротивление и неверие. Но одноклассник рассказал всё в таких подробностях, что не оставил места для сомнений.

Чэнь Сюй не мог с этим смириться. Он глубоко вздохнул, случайно вдохнув снежинки, и закашлялся так сильно, что казалось, лёгкие вот-вот разорвутся. Глаза затуманились от слёз. Звезда на верхушке ёлки освещала большую площадь, но Чэнь Сюй упрямо вышел из круга света и прислонился к холодной стене.

Он чувствовал себя совершенно разбитым — возможно, как будто был пьян, хотя алкоголя не пил. Капли от кашля застыли на ресницах, превратившись в крошечные льдинки. Чэнь Сюю казалось, что он должен плакать, но слёз не было. Всё, что он чувствовал, — это удушающая

волна эмоций, которая накатила, захлестнула и потащила за собой.

Как он мог ошибиться?

Как он мог полюбить не того человека?

Целых пять лет он был неправ.

Вся любовь, что по праву принадлежала Су Мину, была перенесена на Цзи Чуньсяо. Все эти годы, каким бы невыносимым ни был Цзи Чуньсяо, Чэнь Сюй терпел. И всё это — из-за неверно направленной привязанности?

Чэнь Сюй не знал, что делать. Это было не просто больно — это было абсурдно. Отдавать долг Цзи Чуньсяо, любить Цзи Чуньсяо стало основой его жизни. И теперь этот фундамент оказался ложью. Словно кто-то сказал ему, что камни жидкие, грибы — животные, а цветы могут обжигать.

Абсурдно. Странно. Невыносимо.

Он злился, но винить было некого. Ему было жаль и Су Мина, и самого себя.

В кармане зазвонил телефон. Он медлил, прежде чем ответить. Это был Цзи Чуньсяо.

Честно говоря, Чэнь Сюй не знал, как теперь смотреть на Цзи Чуньсяо. Но пятилетняя мышечная память сработала быстрее, чем разум. Его пальцы сами нажали на кнопку ответа, и голос Цзи Чуньсяо раздался в трубке, смешавшись с доносящимися с улицы рождественскими гимнами.

— Чэнь Сюй, привези мне порцию каши с гребешком из ресторана «Хай №1», — с другой стороны послышался нетерпеливый голос. — Побыстрее, хватит торчать на этом дурацком вечере встречи. Я умираю с голоду. Магазин закрывается в полночь, так что не мешкай.

— ...

Чэнь Сюй моргнул, и снежинки заплясали на его ресницах.

Он механически ответил:

— ...Хорошо.

Цзи Чуньсяо всегда был таким — избалованным молодым мастером, который раздавал приказы

направо и налево. А Чэнь Сюй был тем, кто потакал ему во всём. С годами характер Цзи Чуньсяо испортился ещё больше, он стал часто выдвигать необоснованные требования. А Чэнь Сюй всегда находил в себе бездну терпения, думая про себя: "Это человек, которого я люблю", — и шёл на уступки со смирением.

Разговор ещё не закончился, Цзи Чуньсяо всё что-то говорил, указывая, как быстро Чэнь Сюй должен вернуться. Но Чэнь Сюй перестал слушать и положил трубку.

Он глубоко вздохнул, и крупная слеза упала на снег.

Слёзы, которые не могли пролиться раньше, теперь текли ручьём.

***

— Да как он посмел?! — Цзи Чуньсяо в ярости швырнул телефон на кровать, схватил подушку Чэнь Сюя и в отчаянии сжал её. Стиснув зубы, он попытался позвонить снова, но на этот раз ему ответил только автоответчик.

Не может быть.

Чэнь Сюй никогда не игнорировал его звонки.

Цзи Чуньсяо вздрогнул. Неужели всё из-за этого дурацкого вечера встречи? Он даже не хотел, чтобы Чэнь Сюй туда ходил. Он припоминал, что в старших классах был один парень по фамилии Сун, который интересовался Чэнь Сюем. Хмф. Может, это старое пламя разгорелось с новой силой?

Он едва нашёл повод, чтобы вернуть Чэнь Сюя назад, так почему тот не отвечает? Не колеблясь ни секунды, Цзи Чуньсяо с холодным лицом встал с кровати, переоделся, схватил ключи от машины в прихожей и с грохотом захлопнул дверь.

***

Тем временем Чэнь Сюй, почти окоченевший, наконец с трудом поднялся на ноги и побрёл к своей машине. Онемевшие пальцы едва могли повернуть ключ в замке. Лишь минут через десять тепло автомобильной печки начало понемногу оттаивать его.

Он ехал бесцельно, не имея в голове пункта назначения, но подсознание вело его в район, где находился «Хай №1». Если посмотреть на часы, было уже далеко за полночь. Ни о какой каше с гребешком не могло быть и речи — всё было закрыто.

Свет в ресторане не горел, а пустынная улица освещалась лишь несколькими фонарями, отбрасывающими унылый, бледный свет. Его тёмная машина словно слилась с ночью.

Вдалеке послышался пронзительный визг шин. Шум быстро приближался, и вдруг из-за поворота вырвались ослепляющие фары, бросив два резких луча света на противоположную сторону улицы.

Прежде чем Чэнь Сюй успел среагировать, огромный грузовик врезался в его машину, отбросив её на обочину и вмяв в стену. Оглушительный грохот, хлопок подушек безопасности, пригвоздивших его к креслу, — всё смешалось.

Мощный удар вызвал такую боль, что он едва мог дышать. Чэнь Сюй мельком подумал, что сломал по меньшей мере два ребра. От столкновения топливный бак дал течь, и пламя быстро охватило автомобиль холодной зимней ночью. Жара нарастала, и, хотя Чэнь Сюй пытался двигаться, он оказался в ловушке в искорёженной машине. Боль усиливалась с каждой секундой. Дым душил его, и сознание начало меркнуть.

Он попытался позвать на помощь, но водитель грузовика, вероятно, пьяный, лежал в своей перевёрнутой кабине, слишком напуганный, чтобы мыслить здраво.

Так горячо... так больно...

Чэнь Сюй уже почти готов был отдаться пламени, когда сквозь дымку он услышал знакомый голос, зовущий его по имени. Кто-то бросился к горящей машине, ухватился за раскалённую дверь, пытаясь вытащить его, но тщетно.

Кто-то рядом в ужасе закричал:

— Он сейчас взорвётся! Убирайся оттуда!

Руки, тянувшиеся к нему, на мгновение замерли, а затем с новой силой обвили вокруг него, словно пытаясь защитить его телом от надвигающейся опасности.

Боль от сломанных рёбер усилилась от этих объятий, и Чэнь Сюй на несколько секунд пришёл в сознание, пытаясь разглядеть спасителя. Но невыносимый жар и грохот надвигающегося взрыва поглотили его мысли.

Объятия на его шее не ослабевали. Последнее, что почувствовал Чэнь Сюй, было что-то влажное, стекающее по его пылающему лицу и почти мгновенно испаряющееся в огне.

Как ни странно, его последней мыслью было то, что Цзи Чуньсяо не получит сегодня свою кашу.